

На Енисейский Кряж по объявлению

Еще в юности я мечтал о походе в сердце Сибири в районе Подкаменной Тунгуски. Мне хотелось подняться пешком на Енисейский Кряж – это примерно 100 км и 450 м по высоте, – а потом сплавиться обратно в Енисей по рекам Чапа, Вельмо, Подкаменная Тунгуска – это примерно 700 км при некоторой надежде проехать конец пути с помощью местных моторных лодок или катеров. В 70-е годы эта мечта получила техническую поддержку в связи с изобретением надувного катамарана. Баллоны 2 – 3-х местного катамарана вместе с веслами весят 5 кг и легко могут быть подняты на Енисейский Кряж. Оставалось найти 1 – 2-х попутчиков.

С этой целью я два года подряд оставлял в Городском турклубе объявление, однако скоро выяснилось, что дураков идти по моему маршруту нет. И вдруг позвонил Сергей и скромным, слегка запинаящимся голосом сказал, что хотел бы пойти в этот поход. Он оставил свой телефон, и мы неоднократно созванивались, причем Сергей всегда звонил в назначенное время исключительно аккуратно. Потом мы сходили в «ознакомительный» поход по речке Нерской вблизи Воскресенска с ночевкой и сплавом на катамаране в городском варианте, то есть с металлическим каркасом. Мы понравились друг другу, а Сергею, видимо, понравился катамаран. Он был ровен в общении. На обратном пути, в связи с разговором о моей работе, мы затронули проблему энергии гравитационного поля, и Сергей с пониманием отнесся к моей критике псевдотензора Ландау-Лифшица. Он оказался образованным человеком, что несколько не соответствовало его молчаливости и скромности. К сожалению, мне не удалось узнать место его работы. «В почтовом ящике» – ушел он от ответа. Я не стал выяснять домашний адрес, семейное положение и другие сведения о Сергее из чувства априорного уважения и доверия к своему будущему товарищу по сложному походу, а также опасаясь, что «умножая познания», я могу навредить походу, хотя и сознавал, что тем самым рискую. Так что фамилию Сергея я узнал только в Лесосибирске, когда забирал у проводника в поезде наши билеты. Кое-что мне казалось странным в Сергее, но я понимал, что у меня никогда не будет выбора партнера, и что я могу рассчитывать только на слегка сдвинутого человека, каковым и сам являюсь. Нормальный человек на мое предложение никогда не откликнется. А идти в одиночку мне казалось неприличным. Я рассчитывал, что все обойдется, и, в конечном счете, кажется, не ошибся.

После ознакомительного похода Сергей стал торопить с покупкой ж.д. билетов, и мы купили их за месяц до отъезда (\$45). Сергей приходил ко мне пару раз для обсуждения содержимого рюкзаков и чтобы попробовать печь оладушки из муки на постном масле. А я продемонстрировал ему специально для нашего похода сшитую палатку из парашюта, 1,8м x 1,8м в плане, с крышей в виде седловидной поверхности отрицательной кривизны, весом 700 г. Я предлагал Сергею встречаться у него дома, но он сказал, что ему неудобно принимать гостей.

При расчете продуктов выяснилось, что Сергей относится к тем туристам, для которых тяжелый рюкзак представляется предметом гордости. Он настаивал на рюкзаке 40 кг, тогда как я всегда презирал туристов, таскающих тяжелые рюкзаки. Я считаю тяжелый рюкзак позором. Я спорил по этому поводу, в частности, с Макаром на Хамар-Дабане. По-моему, всегда можно уложиться в 25 кг. «Нет, это не реально» – возражал Сергей. Он настаивал, чтобы продуктов было 40 кг: на 20 дней из расчета 1 кг на человека в день. Я безуспешно пытался убедить его, что мы сможем достать продукты у местных жителей на Вельмо, и наверняка где-нибудь нам встретятся рыбаки. Я говорил ему о грибах, ягодах и рыбе, которую мы сами будем ловить (кстати, Сергей был ответственным за рыбную ловлю). Я предсказывал, что мы будем оставлять продукты на маршруте. Напрасно! «Вы можете все это гарантировать? – спрашивал он, В походе надо хорошо есть, а не голодать,» – говорил он. Я не хотел ничего гарантировать и решил отказаться от своего принципа и подстроиться под партнера. С большим трудом далось мне лишь уговорить его не брать двурукую пилу. Для этого мне пришлось привезти ее с дачи и показать, как она велика и нелепа в тайге, где готовые дрова валяются в избытке. Сергей согласился не брать эту пилу, и я увез ее обратно на дачу.

Не беспокоясь о весе продуктов, Сергей не заботился и о весе личных вещей. Он взял тяжелый спальный мешок, непромокаемые мешки от байдарок, запасную пару обуви, запасную ложку, эмалированную миску вместо алюминиевой, сложные бритвенные принадлежности и т.д.. Имея капроновый рюкзак, он держал банки тушенки внутри него в тяжелом брезентовом рюкзаке типа абалаковского, чтобы они не порвали капрон. А я отпорол от своего рюкзака всякие излишества и сшил для похода специальный спальник весом 700 г на молнии с двумя замками, застегивающийся от головы и от ног так, что можно оставить маленькое отверстие для дыхания около носа, причем толщину синтепона снизу, где коврик, сделал тоньше, чем сверху. Я взял только одни кеды, а в качестве внутреннего непромокаемого мешка использовал нежный мусорный мешок, выпрошенный однажды у подножия Колизея. Роль кружки и миски в одном лице выполнял у меня алюминиевый ковшик: съев кашу, я мыл его для чая или использовал немывтым. Стараясь оказать на Сергея давление, я сказал, что если он заботится о своем комфорте и не желает тратить время на облегчение снаряжения, то будет справедливо, если мы разделим поровну общественные вещи и продукты, а личные вещи будем нести каждый – свои, так что вес его рюкзака окажется больше, чем моего. В конце концов, он согласился с этим, и в поезде, взвесив личные вещи, мы установили разницу веса рюкзаков в 4 кг.

В походе нам везло с самого начала. Приехав на поезде в Лесосибирск утром 31 июля, мы тут же попали на автобус до Енисейска, а, приехав туда, сразу сели на Метеор, который через 5 минут отошел вниз по Енисею (\$19). На Енисее оказался дебаркадер Новоярцево, вблизи речки Верхней Сурнихи, по которой проходил один из возможных вариантов нашего маршрута. Расспросив местных жителей, мы счастливо выбрали именно этот вариант, и он оказался значительно лучше других.

В июле стояла жара, и вода в речке была теплой. Обнажились прибрежные камни, и мы шли по ним вначале до 80% пути. Остальные 20% приходилось идти по шиколотку или по колено в воде, вернее, надо было выбирать: идти по воде или по бурелому прибрежной тайги. Но это было позже. А 31 июля в 3 часа дня мы вылезли из моторной лодки в устье Верхней Сурнихи около охотничьей избы, куда нас привез житель Новоярцева, отлив себе оговоренную часть

нашего запаса спирта совершенно честно. Первым делом мы искупались, потому что день был жарким, а комаров и мошки - не было. Потом мы вышли на маршрут. Правда, мы начали с того, что оставили в избе 1,5 кг сахара, 2 литра манно-молочной сухой смеси, 1 кг вермишели и 3 луковицы. Мы приняли решение об этом еще в поезде, чтобы вес наших рюкзаков не превышал 40 кг. В результате, у Сергея было 38 кг, у меня 36 кг. К моему удивлению, Сергей не проявил угрызений совести по поводу того, что из-за его желания гарантированно не голодать, мы накупили столько продуктов, что их пришлось оставлять уже в первый день.

Я был поражен, но сразу выяснилось, что нормально сложенный Сергей очень плохо ходит и плохо носит рюкзак. Приходилось часто и подолгу отдыхать. Я томился, но терпеливо сносил это, хотя мой стиль – идти без отдыха в одном темпе несколько часов. Через 6 км мы решили устраиваться на ночлег. И тут выяснилась другая особенность: Сергей относится к тем людям, которые на стоянке отдыхают и не принимают участие в устройстве бивака. Я разжег дымный костер против налетевшей мошки и потенциального медведя, потом поставил палатку и сварил ужин. А Сергей стоял и страдал от комаров. Как только палатка была поставлена, он залез в нее, чтобы «отдохнуть от комаров». Позже мы и поужинали в палатке, причем выяснилось еще одно важное для будущего обстоятельство: Сергей мало ест.

На следующий день, 1 августа, я устроил побудку в 5 часов, сварил завтрак, и мы смогли выйти в 9:30. Это было очень удачно, потому что скоро начался дождь, который шел до 3-х часов дня, отчего наши рюкзаки к концу дня потяжелели до 41 и 39-и кг. Тем не менее, мы героически шли до 5-и часов. Хотя, на мой взгляд, более героическим был частый и длительный отдых, которого требовал Сергей. И он подсовывал себе под ляжки рюкзака запасные брюки. В то же время я был доволен собой. Оказалось, что рюкзак под 40 кг мне нипочем, нет у меня никакой поясницы и никакого сердца, и я полон энергии.

Вечером начался конфликт. Снова я разжигал костер, ставил палатку и варил ужин, а Сергей стоял и тер свои руки. У него была новая штормовка с рукавами на резинках, которые пережимали кровеносные сосуды и тем стимулировали деятельность мошки и комаров. Кисти у него были искусанные и вспухшие. Я шел в рукавицах, я у него рукавиц не было. Я предлагал ему распороть каналы резинки на рукавах и тем удлинить их. Он отказывался. Я предлагал ему эмульсию от комаров, но он говорил, что средствами от комаров не пользуется. Он возражал против приема витаминов и не ел сухого молока. Он с гордостью похвалился специально купленной для похода огромной открывалкой для консервов самой нелепой и расхожей конструкции, а о маленькой открывалке он понятия не имел. Он не умел ходить с палкой и не желал учиться пользоваться ею. Все это было очень странно. Может, он никогда не ходил в походы? Зачем же он пошел со мной?

И вот на фоне всего этого Сергей выдвинул тезис: поскольку я ем больше него, нам следует выявить коэффициент и соответственно ему перераспределить продукты с тем, чтобы я нес более тяжелый рюкзак, ибо он не желает нести за меня продукты, которые я съем. Кроме того, он заявил, что я выше, массивнее и сильнее его и поэтому должен нести более тяжелый рюкзак (28 августа во мне было обнаружено 72 кг). Он вообще оказался сторонником коммунистического принципа «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Оказалось, что для претворения этого принципа ему необходимо «сильное и богатое государство», которое обеспечивало бы всем гражданам, независимо от степени лени, гарантированный минимум в виде маленькой отдельной квартиры и питания, «без черной икры» - подчеркивал он. Созданию такого государства способствовало бы, по его мнению, подавление Чечни и завоевание Афганистана. Он одобрял сталинское выселение чеченцев и других. Но он возмущался гибелью женщин и детей в Сербии от налетов НАТОвских самолетов. Оказалось, что он ненавидит демократов, американцев, всю западную цивилизацию и идею прав человека. Я пытался объяснить ему, что именно в Америке обеспечен тот прожиточный минимум, о котором он мечтает, но он проявил патологическую невосприимчивость к информации, противоречащей его мнению.

Я был поражен тем, как отличается истинный Сергей от имиджа, который он поддерживал в Москве. Из-за идеологических расхождений, на следующий день мы смогли выйти на маршрут только в 11:30, хотя в 5 утра мимо нашей палатки прошли рыбаки из Красноярска, которых мы встретили накануне. «Мужики! Надо сейчас идти, пока мошки нет,» - бросили они нам в палатку».

Для облегчения рюкзаков мы решили оставить на этой стоянке еще 2,5 кг муки, из которой Сергей должен был печь оладушки. Мне стало жалко муку. После распределения груза я тайком положил ее к себе. В результате наши рюкзаки стали весить одинаково по 31 кг. Я рассчитывал, что позже мы сможем принять более ответственное решение в отношении этой муки, и надеялся поразить Сергея своим подвигом. Не тут-то было! Когда на следующей стоянке я сказал ему: «Сергей, а спеки-ка оладушки!» Он ответил: «А из чего?» «А из той муки, я нес ее», - сообщил я. Как он тогда взвился: «Так Вы меня обманули! Умышленно обманули! Мы договорились ее оставить, а Вы ее взяли. Вам, значит, ни в чем нельзя верить. От Вас всего можно ожидать».

В тот день, это был третий полный день похода, он подкреплял требование переложить груз из его рюкзака в мой прямо-таки сидячей забастовкой. Он шел 15 минут, а потом отдыхал 25 минут, говорил, что иначе не может. А я томился от жары и мошки. И тогда я сказал ему, что при таком темпе мы наш маршрут не пройдем. Он пропустил мое замечание мимо ушей. Наверно, он рассчитывал, что я, страстно желая пройти маршрут, облегчу ему рюкзак, чтобы ускорить движение. Мне показалось, что самолюбивый Сергей завидовал энергии и здоровью своего идеологического противника. Мне вспоминается такой инцидент. Я поперхнулся комаром и несколько фраз сказал хрипло. «Вы не простудились?» - спросил Сергей. Да, вроде, нет», - ответил я. «А что это у Вас с горлом?» - спросил он голосом следователя КГБ на допросе.

На следующий день Сергей потребовал дневку, а то у него накапливается усталость, и он потом совсем не сможет идти. Дневка, так дневка, согласился я. Я был по-прежнему бодр и силен, но я принял решение идти по запасному маршруту, поскольку вместо 4 – 5-и дневного подъема на Енисейский Кряж нас ожидал, по-видимому, 10-ти дневный.

Соответственно, вместо Чапы, Вельмо и Подкаменной Тунгуски нам оставался сплав по речке Исаковке обратно в Енисей к поселку Ярцево. Исаковка протекает севернее нашей Верхней Сурнихи. Она более длинная и полноводная. По ней проходит известный туристский маршрут, по которому плавсредства затаскивают бечевою, чтобы потом сплавиться по порожиистой Вороговке, которая расположена еще севернее. Но я решил не говорить о своем решении Сергею. Его розовое желание бездельничать 700 км на катамаране заставляло его кое-как двигаться вверх.

Невозможно передать все темы наших разговоров на дневке. Мы сидели в палатке в трусах, как в бане, и я обливался потом. А Сергей говорил, что Природа аналогична огромному компьютеру, элементами которого являются и элементарные частицы, и атомы, и молекулы, и звезды, причем этому компьютеру присуща «функция цели», каковой является человек. И у этого человека первичным является инстинкт самосохранения (а не размножения, как я возражал). Соответственно этому инстинкту, объяснял Сергей, принимая решения, человек всегда руководствуется личными интересами, а интересами других людей – только тогда, когда, в конечном счете, это оказывается выгодным ему. После этого я стал называть Сергея, как и он меня, на Вы.

Другая линия рассуждений коснулась полиэтиленовых бутылок, в которых я держал наши сыпучие продукты. Сергей использовал для этого полиэтиленовые пакеты, которые, конечно же, рвались в рюкзаке. Он считал, что можно пользоваться только бутылками, которые куплены для себя, но они дороги, а подбирать бутылки на улице нельзя. Я утверждал, что это идеализм, ибо подобранная на улице бутылка после мытья ничем материально не отличается от купленной для себя. Он возражал, что та или другая точка зрения в отношении бутылок является делом вкуса. А я говорил, что вкус здесь ни при чем. Различие вкуса имеет значение, если предметы отличаются один от другого материально. Например, один человек может быть в восторге от Черного Квадрата Малевича и с отвращением смотреть на Автопортрет за туалетом Серебряковой, а другой человек – наоборот. Но эти две картины явно отличаются одна от другой, след же улицы на бутылках не материален.

На дневке во второй половине дня была оглушительная гроза с градом, которую наша великолепная палатка с честью выдержала. Однако гроза подняла уровень воды и усложнила нам дальнейший путь. На следующий день мы уложили вещи поровну. Сергей так ныл, что я отказался от привилегии за счет веса личных вещей. Сергей согласился взять муку, хотя не снял обвинений, что я его обманул. Взамен муки, мы решили оставить 2 кг черных сухарей, похожих на несъедобные камни, которые Сергей сушил в Москве.

Во время сборов появились наши рыбаки. Они ходили вдоль речки, отовсюду вылавливая рыбу. Они демонстративно забросили спиннинг у нас на глазах и тут же вытащили рыбу: «Презент москвичам!». Потом они подарили нам вторую рыбину. Это озадачило Сергея. «Не брать рыбу, - сказал он мне тихо, - потому что тяжело нести, мы и так выбрасываем продукты». Я горячо поблагодарил рыбаков и просто положил рыбу себе сверх своей половины нашего груза.

В этот день мы вышли в 13:00. При переходе реки Сергей впервые взял в руки палку и больше с ней не расставался. Но сидячие забастовки продолжались: 15 минут медленно идем, 25 минут отдыхаем. Однако я не подгонял Сергея. Чем медленнее мы идем, тем больше оснований будет у меня заменить Чапу Исаковкой.

Через несколько часов нам встретилась изба. Я вынул из своего рюкзака и оставил там немного продуктов в счет подаренной рыбы и предложил Сергею разделить поровну оставшийся груз. Сергей колебался. Если оставленные продукты легче, чем рыба, которую я нес дополнительно, то при уравнивании веса рюкзаков, ему могли достаться лишние 0,5 – 1 кг. И он заявил, что согласен на уравнивание веса, только если это приведет к уменьшению веса его рюкзака, рисковать он не желал. Я разозлился! Мало того, что я нес муку, а потом рыбу сверх своего груза; мало того, что, по его глупости, я тащил рюкзак под 40 кг с продуктами, которые мы постепенно выбрасывали, а теперь из-за него топчусь на месте вместо того, чтобы надувать катамаран на Чапе, так он еще торгуется по поводу неочевидного полкилограмма! Я не выдержал: «Раз Вы не хотите уравнивать вес, то рыбу, которую я нес сам, я и съем сам.» Так и сделал. Вечером я давился рыбой, а Сергею сварил вермишель с тушенкой. Его самолюбие, естественно, пострадало от этого демарша, и он слегка загрустил. Я отвлек его, спросив, не догадается ли он, из чего сделана мочалочка, которой он чистит кастрюли. Сергей отнесся к вопросу очень серьезно и, долго думав, ответил, что не знает. «Из мозгов старой машины!» - озадачило я его ответом. И потом мы обсуждали, как был устроен «куб» памяти на ферритах в старой вычислительной машине.

Интересно, что когда мы в 6 часов остановились в этот день на стоянку, Сергей, вопреки прокламируемой усталости, попросил меня пройти еще немного вперед без рюкзаков, чтобы выяснить, куда поворачивает дальше речка (идти без меня он боялся). Дело в том, что Сергей все время тщательно и подолгу рассматривал карту и приставал ко мне, чтобы я показывал место на карте, где мы находимся. Я отказывался, потому что на самом деле Сергею ничего нельзя было объяснить. Он тут же начинал возражать и высказывать свое мнение, обычно ошибочное, но благоприятное для него. Кроме того, мне было наплевать на наше место, потому что надо было просто идти по речке вверх до её истока. Однако Сергей все время проявлял желание ориентироваться, и теперь по его просьбе мы продрались по бурелому леса примерно на 40 минут вперед (без всякого отдыха), и обнаружили, что речка поворачивает в должную сторону. Сергей временно успокоился.

На следующий день по требованию Сергея мы снова устроили дневку, и я с удовольствием жег костер из огромных гнилых берез и зашивал свои единственные кеды, которые совсем разорвались от непосильного пути по воде и бурелому. Потом пришли наши рыбаки и завалили нас рыбой, которую мы на этот раз ели с Сергеем вместе.

В последующие дни я регулярно просыпался в 6 часов, зашивал свои кеды, будил Сергея в 7:30 – раньше нельзя было, он говорил, что иначе не восстановит силы и будет совсем медленно идти – и варил завтрак. Выходили мы на маршрут в 12:30 – 1:30, шли в самую жару и мошку до 5-и – 6-и часов вечера, по-прежнему с утомительными отдыхами, так что постепенно я стал изматываться. У меня, как обычно, заболел позвоночник около шеи. А Сергей двигался все

лучше по мере того, как приближался желанный ему сплав по Чапе, и не просил больше дней. Интересно, что я шел в штормовке на голое тело, она была насквозь мокрой от пота и не просыхала до утра, а на Сергее была майка, шерстяной свитер, штормовка, да еще брюки на плечах.

В верховьях нашей Сурнихи мы почти все время шли по воде по руслу реки. Характер речки виден на фотографии. Я забыл взять накомарник, но иногда находил хорошую паутину и вешал ее себе на вход капюшона штормовки. Постепенно я научился использовать Сергея при устройстве бивака. Он вырубал восемь маленьких колышков для палатки и один большой или только семь маленьких, если я находил подходящее дерево для главной опоры. Но научить его заниматься костром я так и не смог. Помню, на 11-й день похода утром я поел кашу и влез в палатку шить, не повесив над костром воду для чая. «А как же без чая?» - услышал я обиженный голос Сергея. Процедура взвешивания и уравнивания рюкзаков перед выходом занимала иногда до часу времени, причем однажды, поднимая рюкзак для взвешивания, Сергей сказал: «Ой, спину прихватило. Это не лечится, это на три месяца». После этого только я взвешивал рюкзаки под его надзором. Но помогать ему одевать рюкзак я отказался. Мне стало противно. И он отлично справлялся с этим сам. На маршруте в конце очередного утомительного отдыха Сергей обычно спрашивал: «Ну, как Вы готовы выходить через 5 минут?» Потом говорил: «Я одеваю рюкзак».

Так или иначе, на 12-й день пути наша Сурниха кончилась, и мы пошли на перевал в бассейн Чапы. Надо сказать, что в действительности перед нами были рядом два разных перевала, угловое расстояние между которыми было невелико и сравнимо с магнитным склонением. Один перевал, слева, правильный, выводил к речке Тырада, впадающей в Чапу. Другой перевал, правее, неправильный, вел к речке Кедровой, очень крутой, от которой не было выхода к Исаковке. Впереди с компасом в руках как всегда шел Сергей. И он взял правее, чем нужно. Об этом свидетельствовала линия горизонта, которая наклонилась вправо. Однако Сергей никак не реагировал на это обстоятельство. Увидев текущие вперед ручьи, он обрадовался и стал по ним спускаться. С большим трудом с помощью горла мне удалось заставить его повернуть налево и идти перпендикулярно ручьям до тех пор, пока линия горизонта не склонилась налево. Тогда вскоре появились новые ручьи, и, совершенно неожиданно, очень быстро мы вышли к очаровательной спокойной речушке Тыраде. Сергей не мог простить мне моей правоты и заставил, вопреки усталости, еще час идти по Тыраде, надеясь уличить меня в какой-нибудь ошибке. Но я был только рад продвижению вперед.

Увидев Тыраду, Сергей обрадовался. «Строим катамаран и дальше плывем!» - воскликнул он. «Нетушки! – возразил я, - во-первых, Тырада еще очень мала, по ней надо по меньшей мере день спускаться пешком, чтобы можно было плыть на катамаране, а, во-вторых, люди, которые идут 15 минут, а 25 минут отдыхают, которые не умеют рассчитывать продукты и ловить рыбу, которые имеют тяжелые личные вещи, такие люди по Чапе не сплавляются! Я не могу взять на себя ответственность пускаться в необратимый сплав по незнакомым речкам и безлюдным местам с

человеком, у которого «прихватило спину». Как можно надеяться пройти 700 км за 10 дней? Нам придется идти по запасному маршруту на Исаковку. Мы за два дня проплывем её на катамаране!» - так я выступил.

Сергей был совершенно убит. Рушились какие-то сокровенные его планы. Теперь я подозреваю самое страшное, поскольку, как я сейчас понял, в Москве он не оставил никаких следов о себе, кроме номера телефона, который был известен только мне. Сергей сказал, что пешком идти больше не может, что исчерпал все резервы, что я должен везти его на катамаране 700 км, иначе он просто не сдвинется с места, но что на катамаране он будет хорошо работать, сможет перетаскивать его через пороги, завалы и перекаты. Он просил довести его по крайней мере до поселка Бурный, откуда нам было письмо (это примерно на четырехсотом километре). А если я считаю, что тут по Тыраде плыть нельзя, то я должен построить катамаран и убедить его в этом в натуре. Он явно хотел узнать, как стоит катамаран без городского металлического каркаса. Сейчас это его предложение, построить катамаран там, представляется мне очень важной уликой. Я вспоминаю также совершенно нелепое более раннее предложение Сергея, построить катамаран еще во время подъема по Сурнихе.

Оставив проблему открытой, мы легли спать. Наутро я проснулся в 6 часов, позашивал кеды, доел и допил вчерашние чечевицу и чай и в 7:40 пошел на разведку, оставив Сергея спящим. Я нашел надежный путь на перевал к Исаковке вверх по левому притоку Тырады и вернулся в 12 часов. Я застал Сергея в палатке. По-видимому, он не вылезал из неё. Я спросил Сергея, что же он чай не заварил. «Я не мог», - ответил он слабым голосом.

Попоив Сергея чаем (с халвой), я сказал, что нам пора выходить, мы сможем пройти сегодня немного по пути к Исаковке. «Вылезайте из палатки, собирайте рюкзак», - предложил я Сергею. «Я никуда не пойду, я не могу, я не вылезу из палатки», - заявил Сергей. Но при этом он был готов плыть со мной 700 км на катамаране! Я собрал свой рюкзак, получилось 20 кг, а он все сидел неподвижно в палатке. «Тогда мне придется идти одному, чтобы вызвать для Вас вертолет», - сказал я и сделал вид, что ушел. «Когда ждать вертолет?» - было последнее, что я услышал от Сергея.

Уходя, я взял в рюкзак катамаран, тент от палатки, оставшиеся 4 банки тушенки. Кроме того, у меня оказалось 300 г какао с сахаром, немного риса и смеси сухого молока с остатками риса, геркулеса и гречки, литр муки, большая луковица, а также посуда и спортивная сумка Сергея с его бритвенным станком, которая традиционно лежала в моем рюкзаке. У Сергея остались две плитки шоколада, 1 кг халвы, 1 кг кураги, по 0,5 кг сахара, вермишели, сухарей и муки, 0,6 литра спирта, литр постного масла, рыболовные снасти и палатка.

Я перешел на левый берег Тырады и наблюдал за Сергеем несколько часов. При этом я временами ложился спать в расстеленный на тенте спальник. Сергей вылез из палатки и долго ходил взад, вперед, а потом исчез. Стемнело. Я решил, что он лег отдыхать и пошел устраивать себе ночлег на том самом левом притоке Тырады.

На следующий день, утром 13 августа, на 14-й день похода, перед выходом к Исаковке, я решил все же вернуться к палатке, чтобы поделиться с Сергеем тушенкой и мукой, отдать ему его бритвенный станок и миску с ложкой, чтобы он мог готовить горячую пищу в ожидании вертолета. Я рассчитывал разбудить Сергея, как всегда, в 7:30 и на свежую голову еще раз обсудить ситуацию. НО МЕСТО ПАЛАТКИ ОКАЗАЛОСЬ ПУСТЫМ. Лежали только весла, про которые я совершенно забыл! Получалось, что Сергею вовсе не нужен был вертолет. Я обалдел от мысли, что он сложил палатку и пошел обратно, да так рано, как он никогда не просыпался! Его уход означал, во-первых, что Сергей симулировал усталость, и, если он симулировал ее вчера, значит, он симулировал ее весь поход, ибо его жалобы и нытье вчера были более серьезные, чем в другие дни. Но какова была его цель? Во-вторых, уход означал, что Сергей предпочел тяжелый, но знакомый путь обратно по Сурнихе в одиночку без горячей пищи, двухдневному незнакомому переходу к Исаковке, обещавшему плаванье на катамаране, которого он так желал. Я предположил, что Сергей просто трусил идти по незнакомому пути под влиянием своего инстинкта самосохранения. Он признавался, что не верил, что мы выйдем на Тыраду. Но я терялся в догадках относительно его первоначального замысла и не имею ответа сейчас. Однако, восхищался я, как рано он вышел! При мне ничего подобного даже не намечалось.

Учитывая, что Сергей на самом деле может прятаться где-нибудь поблизости, ожидая моего возвращения за веслами, я повесил на дерево его спортивную сумку с его вещами и посудой. Затем я взял весла и ушел на Исаковку.

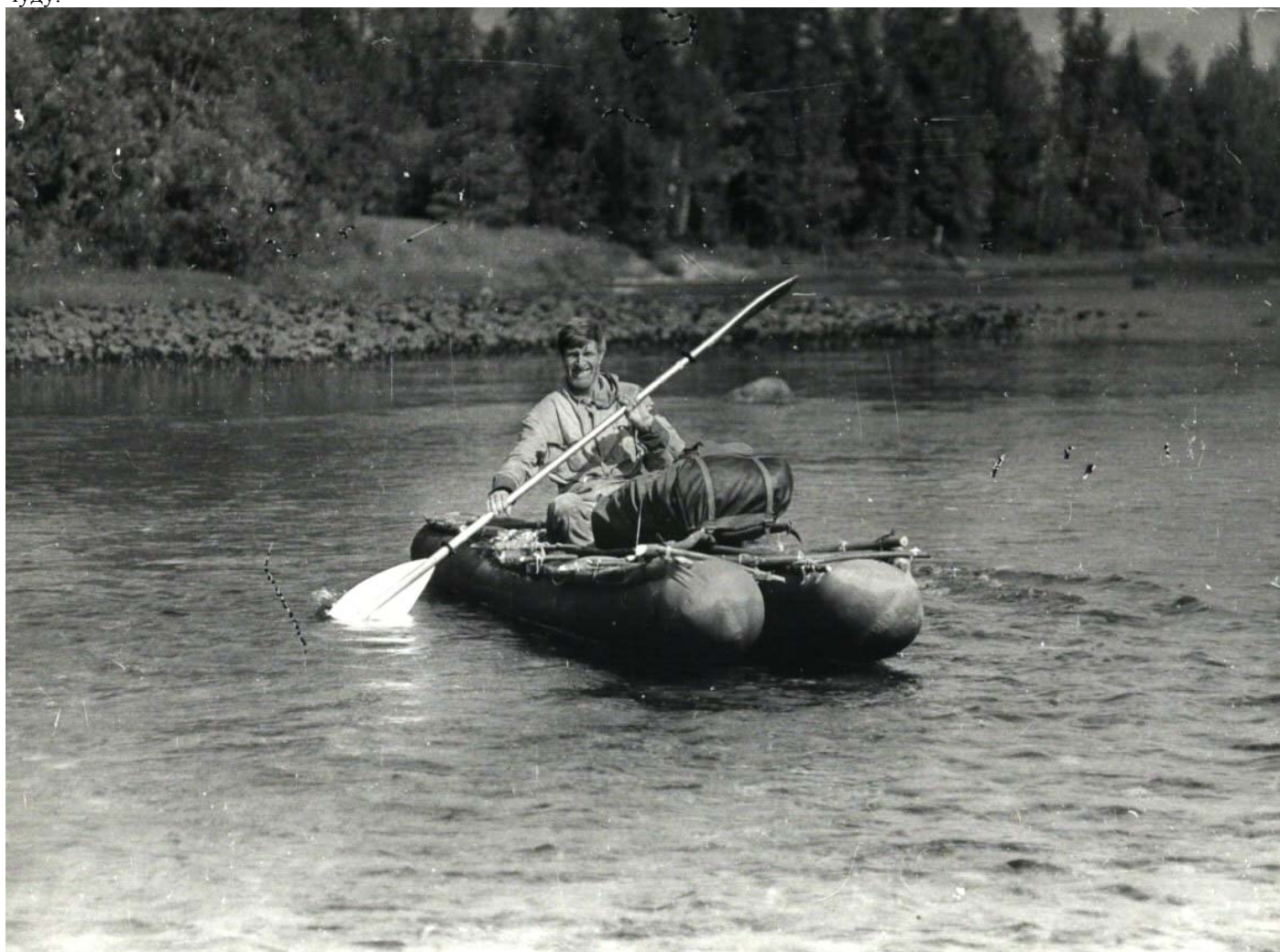
И, удивительное дело, я вздохнул с облегчением! Сергей не оставил мне выбора. Я шел на Исаковку до самого вечера на пределе своих возможностей в своем ритме, шел до изнеможения, но я был свободен и счастлив. Мне не надо было терпеть ничьих глупостей. Чистые болота, покрытые морошкой, сменялись болотами, в которых кочки доходили до пояса, а трава была выше роста. Потом мой азимут вел меня по лесному бурелому, временами сменявшемуся великолепными голыми каменными осыпями. И мне не надо было отгадывать, как в Карелии или Приморье, когда тут последний раз рубили лес, до войны или до революции. К этому лесу никто никогда не прикасался. Это – *первичный* лес.

Сияло солнце. В карманах промокшей от пота штормовки у меня были карта (увеличенная фотография 10-километровки), компас, эмульсия от комаров, а также зажигалка и целлулоидная суперспичка против медведей. И я следил за правильным наклоном горизонта, когда он был виден. Один раз я сделал привал и выпил какао, оставшееся от завтрака.

К вечеру я совершенно обессилен, но устроил бивак уже после перевала, на притоке Исаковки. Я спускался пешком по реке еще полтора дня, восхищался богатой избой, встретившейся мне. Там висели даже две пары отличных сапог, а над окном красовалась серия эротических картинок. Иногда я просто спал на камне на берегу, где не было мошки, чтобы восстановить силы, иногда останавливался поесть чернику, растущую на крутом берегу, так что даже наклоняться за ней не было нужды. Впервые я набрал грибов, чтобы приготовить себе жульен с помощью тушенки. Раньше я не собирал грибы, Мне не хотелось готовить их Сергею, да он и не стал бы их есть из инстинкта самосохранения.

На третий день я стал строить катамаран. Почему-то я строил его очень долго. Мне помнилось, что на Мсте я построил его за три часа. Но в тайге не оказалось прямых деревьев, а кривые было очень трудно привязывать к баллонам.

Тем не менее, на четвертый день после ухода с Тырады я спустил катамаран на воду и на следующий день оказался уже в Ярцеве, переплыв Енисей под самым носом огромного танкера. Плыть вниз по Исаковке без остановок со скоростью 10 км/час вдоль берегов, похожих на те, по которым мы шли вверх по Сурнихе со скоростью 2 км/час, было равносильно чуду.

Незабываемы были мои ночевки под тентом в верховьях Исаковки. Вот что я записал однажды утром. «Я проснулся ночью и открыл глаза. Ковш Большой Медведицы сильно качнулся с вечера вокруг Полярной звезды, как будто он был подвешен к ней, как моя кастрюлька на палке над костром. Теперь доньшко Медведицы располагалось параллельно верхней линии леса на том берегу реки, а сама линия леса была похожа на осциллограмму какой-то странной музыки. Свежий холодный воздух и шум реки проникают в спальный мешок. Мне лень смотреть на часы, но не лень вылезти из мешка и попить холодной заварки из смородиновых листьев. Дикий бурелом леса и река, бегущая через камни, блестят в свете полной луны. Нет никаких комаров и мошки. Однако самое удивительное – это чувство, которое я испытал при пробуждении. Это было острое чувство свободы, я – один, я – свободен. Эта земля – ничья. Появление других людей исключено, а Бога нет. Я один на один со Средой. Если я сломаю ногу, я погибну. Какое счастье, что Сергей слинял! Теперь я не должен учитывать ничьих интересов, ни к кому не надо подлаживаться. Я пью вкусный настой и забираюсь обратно к себе в мешок. Бросаю последний взгляд на ковш Медведицы и проваливаюсь в сон. Когда я снова открываю глаза, солнце уже светит вовсю. И снова я переживаю то же замечательное чувство свободы, одиночества, единения с суверенной Природой и полной неподконтрольности. За мной никто не присматривает!»

В низовьях Исаковки в разное время мне встретились три очень живописные компании, которые вели вверх бечевою свои плавсредства, причем последняя компания состояла из мужчины, ребенка и молодой женщины, которая тащила надувную лодку с вещами. «Ой, не надо меня снимать, я в первый раз», - засмушалась она. Однако я упрямился и снял ее.

Итак, я переплыл Енисей, но я испытывал сильный голод. Поскольку я умею рассчитывать продукты, они кончились у меня за завтраком (осталась только неприкосновенная горсть риса, которую я привез обратно в Москву). Так что я сразу слез с катамарана и пошел в первый же дом, и там сильно близорукая женщина напоила меня бесплатно густым молоком с хлебом. Вернувшись на катамаран, я поплыл к дебаркадеру. Там я соблазнил мальчишку из Фомки купить у меня новую телескопическую удочку (\$12), которая предназначалась для сына Ксении Мерзляковой из Бурного, ответившей на мое письмо. Мать мальчишки, которую звали Луша, расплачиваясь со мной, дала мне в придачу пять огромных огурцов, которые я потом ел в поезде сам и угощал всех попутчиков вплоть до самой Москвы. Потом я разобрал катамаран и обнаружил мое главное везение. Оказалось, что в одном из баллонов шов склейки серебрянки

пришелся точно на линию кия, и вдоль этого шва крышка насквозь протерлась о камни на перекатах Исаковки. Только чудом баллон не разорвался, например, на середине Енисея перед носом танкера. Бог явно подлизывался ко мне, учитывая мой непримиримый атеизм.

Поставив баллоны сушиться на дебаркадере, я пошел в поселок искать Геннадия Геннадиевича, следователя. Я застал его сидящим на мотоцикле. Он куда-то уезжал, но он слез с мотоцикла и внимательно выслушал мою историю. Он попросил изложить все письменно и обещал, что вертолет лесоохраны будет учитывать, что в тайге остался человек с неуравновешенной психикой.

После Геннадия Геннадиевича я пошел в соседний дом купить молока. И мне пришлось рассказывать свою историю снова. В результате, хозяин дома сказал жене: «Надо накормить мужика». Передо мной появилась миска салата, миска картошки и литр молока. Я сумел все это съесть и тем убедил хозяев в правдивости истории.

Я ночевал на дебаркадере вдвоем со старовером с Ангары, который работал парашютистом- пожарным. Он ехал в гости в селение ниже устья Подкаменной Тунгуски. Он жаловался, что на многие километры вдоль БАМа тайга выгорела от неосторожности строителей. Он говорил, что при лесных вырубках у нас забирают только треть леса, а две трети оставляют, и все это в конце концов горит. Ему было с чем сравнивать наше лесное хозяйство: несколько раз он ездил в США и Канаду.

Утром над Енисеем был густой туман. Это очень красиво, но отход Метеора задержался на 1,5 часа. Я не спешил покупать билет. В результате, кассирша взяла с меня только \$12. В Лесосибирске я был на вокзале в 4 часа дня, а в 6 отходил поезд с московским вагоном. И я купил на него билет. После этого я поехал на телеграф и за продуктами. Сев в поезд, я тут же открыл сгущенку, купленную за \$1, потому что ничего не ел со вчерашнего вечера.

Сергей приехал в Москву на два дня позже меня. Это означает, что наш 12-и дневный переход по Сурнихе он проделал в обратном направлении за 5 – 6 дней. В Москве он сразу же позвонил мне. Он не спросил меня, как же я добрался без вёсел. Вместо этого он сказал, что палатку не отдаст до тех пор, пока не получит свой бритвенный станок (который я повесил в сумке на месте нашей стоянки на Тыраде), причем он поставил срок: «Через месяц я сожгу палатку, у меня не камера хранения». Я сразу предложил ему пойти вместе в магазин и купить для него новый станок. «Нет, - сказал он, - мне нужен именно тот!» И я понял, что 13 августа он наблюдал за мной из укрытия, потому что ожидал, что я вернусь за веслами (а я-то о них напрочь забыл!). Потом он взял сумку и теперь ставит непреодолимое условие, держа в руках этот бритвенный станок, чтобы не отдавать палатку. У меня появилось новое объяснение тогдашнего раннего исчезновения Сергея: он попросту украл полюбившуюся ему палатку. Но зачем он симулировал усталость и каков был его генеральный план в отношении катамарана, осталось загадкой.

Я позвонил Сергею через неделю, 29 августа, и соврал, что готов отдать ему его бритвенный прибор вместе с сумкой, чтобы получить палатку. Он знал, что я вру: «Как же Вам удалось ее достать?» - спросил он с той же интонацией, с которой в походе спрашивал про горло, - «А ну-ка перечислите все вещи, которые в ней находятся». Я спросил у него адрес и место работы. На это он ответил, что считает меня подонком, и что меня судить надо, потому что я бросил его одного в тайге.

Радий Игоревич Храпко